

страций к тем или иным положениям вероучения. Не всему можно было найти адекватное объяснение в Священном Писании. Надо отдать должное древнерусским мыслителям, проявлявшим творческий подход и находчивость в умении приспособить догматические принципы к складывавшимся на Руси ситуациям. В этих условиях нюансы, которые несли в себе апокрифические идеи, выглядели весьма привлекательно. Порой именно они давали толчок к развитию оригинальной, не умещавшейся в плену канона мысли.

КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ И ИХ ИСТОЧНИКИ

В общем и целом летописцы Древней Руси, равно как и другие авторы, обращавшиеся к исторической тематике, воспроизводили в своих трудах христианскую схему мировой истории. Апокрифические штрихи привносили в схему определенные колебания вокруг истин вероучения, но не обязательно ломали его основы. Рассмотрим в качестве примера “Повесть временных лет”. В ней, а затем и в более поздних летописных сводах, история страны подключалась к всемирно-историческому процессу. События давно минувших эпох воспроизводились по Хроникам, восходившим в древнейшей своей части к библейской истории. Правда, заостряя внимание на судьбах родной страны, первые наши историки давали значительно меньший, по сравнению с масштабами Хроник, охват событий. Отталкиваясь от спрессованного очерка всей предшествующей истории, они подробно прорисовывали современную им жизнь (точнее, те стороны ее, которые находились в поле зрения), притом гораздо меньше, чем византийская историософия, уделяли внимания ожидаемому эсхатологическому будущему.

Сменялись летописцы, невольные соавторы коллективного труда, сплетавшие словами единую многовековую нить повествования, нить, проходящую через их горячие, небезучастные к болезням времени сердца, ту нить, которая в преемственности своей даже применительно к малому событию обнажала глубинный стержень связи времен, неизменно открывавший в частном общее. Но в рамках даже отдельного летописного труда единого подхода в осмыслении истории так и не сложилось. Налицо разброс авторских точек зрения как в понимании механизма исторического про-

цесса, так и в источниках, на которые ориентировались мыслители, теоретизируя в области истории.

Разные летописи, как известно, не походили друг на друга. Их неоднократно перекраивали, редактировали, из нескольких источников создавали новые своды. Редакторы-сводчики “склеивали” разнородные куски авторскими вставками, дополняли исторические композиции ремарками и обобщениями, стремясь придать новообразованному тексту цельность. Но даже в результате кропотливой редакторской работы непротиворечивости между отдельными механически объединенными кусками полностью добиться не удавалось. Сравнение редакций выявляет порой идейные расхождения и ориентацию сводчиков на разные религиозные (в рамках христианства, естественно) традиции. Можно говорить и о наличии апокрифического влияния в летописной традиции, на очевидных следах которого мы теперь и заострим внимание.

Пролистаем “Повесть временных лет”. Всего несколько десятков страниц отделяют отмеченное апокрифическими вставками “Повествование о волхвах” от нового вторжения апокрифической струи в летописание. Интересующая нас запись приурочена к 1096 г. Тяжелое, мрачное время испытаний. В районе Киева хозяйничают половцы, сея пожары, смерть и опустошение. Нашествия степняков тревожили южную Русь и раньше, но теперь на смену печенегам пришла воинственная половецкая орда. Летописец подчеркивает преемственность между прежними и нынешними врагами страны, одновременно объединяя вопрос происхождения воинственных степняков с толкованием религиозно-символического значения бедствий. Со ссылкой на “Откровение Мефодия Патарского” вводится апокрифический рассказ об изгнании библейским Гедеоном в Етривскую пустыню воинственных племен. В апокрифе побежденные Гедеоном нечистые народы называются измайльтянами либо агарянами — наследниками Агари и ее сына Измаила (родившегося от сожительства Агари с Авраамом), к роду которого наш летописец относит печенегов, торков, торкмен, куман и половцев¹.

Надо сказать, что попытка отождествить заклятых врагов Руси с нечистыми народами, вышедшими из пустыни Етравской, является домыслом автора летописного текста. По летописи степняки оказываются потомками двенадцати сыновей Измаила, о чем в “Откровении” никаких сведений не содержится. Зато уподобление половцев измаильтянам дало основание говорить, что бедствия, которые принесли с собой половцы-измаильтяне, — это божья кара, ибо явление нечистых народов согласно апокрифу происходит по воле Бога, в наказание за грехи и в ознаменование последних времен.

Следом за генеалогией степняков летописец приводит рассказ новгородца Гюряты Роговича, в котором тонкие и точные наблюдения над бытом северных народов переплетены с легендарными апокрифическими сведениями о народах, “заклепанных” Александром Македонским².

Вполне достоверный рассказ, воспроизведенный Гюрятой со слов новгородских землепроходцев, ходивших в далекие земли финно-угров и торговавших там, искусно соединен летописцем с апокрифическим сюжетом (общим для “Откровения” Мефодия и Сербской “Александрии”) о нечистых людях из племени Иафета. По апокрифу, эти люди жили нечисто, ели все нечистое и их, ради очищения земли от скверны, Александр Македонский заключил за горами великими, заперев вход несокрушимыми “вратами синклитовыми”, не поддающимися разрушению ни огнем, ни железом. Уральские горы летописцем-интерпретатором уподобляются легендарным горам, северные племена — нечистым народам: Гогу и Магогу, которые согласно апокрифическому преданию должны выйти в мир в преддверии конца света³.

Летописная запись 1096 г. представляет собой прелюбопытный образец соединения повествовательной части, входящей к реалиям русской действительности, с толкованиями, основанными на заимствованиях из неканонического источника. Смыслозначимая идея, в данном случае общая для обеих частей — выход нечистых народов — является во-

лей божьей. Измаильтяне несут наказание нравственно падшему обществу, хотя время Гога и Магога не пришло.

От того времени, когда летописцы делали свои первые извлечения из Мефодия Патарского, полных списков его сочинения не сохранилось⁴. На основании вкраплений идей и сюжетов “Откровения” в летопись учеными делается вывод о распространении текстов апокрифа по крайней мере с начала XII столетия⁵. Этим временем датируется завершающая редакция “Повести временных лет”, составитель которой активно обращался к Мефодию Патарскому. По заключению В.М.Истрина, который в деталях установил все обстоятельства бытования апокрифа в христианской рукописной традиции, в тот же самый период появляется древнейший славянский перевод “Откровения”⁶. Сопоставляя ранний славянский текст Мефодия с известными греческими редакциями и латинскими переводами, исследователь, кроме того, установил, что среди выделенных им четырех греческих редакций⁷ этого произведения греческого прототипа древнейшему славянскому “Откровению” не имеется⁸.

В.М.Истрин текстологически восстановил внелетописную традицию бытования “Откровения” в древнерусской письменности. Согласно его наблюдениям интерес к памятнику оказался настолько значительным, что “Откровение” переводится вторично. Этот второй, отличный от предыдущего, перевод был сделан в Болгарии и дошел в списках XIII–XIV столетий⁹. К болгарским спискам восходят существовавшие независимо от летописной традиции русские копии “Откровения”. Правда, широкое распространение на Руси получили не эти, восходящие через болгарское посредничество к греческим текстам, переводы. Здесь особым почитанием пользовалась возникшая в XV в. переделка “Откровения” (его так называемая интерполированная редакция)¹⁰. Эта редакция, представленная списками XVI–XIX вв., включала в себя целый ряд дополнительных апокрифических деталей, заимствованных, в частности, из неканонического рассказа о потопе, а также из сказания о

пришествии Антихриста. Здесь ряд сведений восходит к апокрифическим “Видению Даниила”, “Слову Ефрема об Антихристе”, “Хождению Зосимы к рахманам”¹¹. Таким образом получается, что в одном произведении как бы спрессовываются несколько взаимопересекающихся и дополняющих друг друга апокрифических блоков.

С появлением русской интерполированной редакции, которая по времени совпала с брожением умов накануне ожидавшегося в 1492 г. конца мира, резко повысилось эсхатологическое звучание памятника. В.М.Истрин вслед за А.Н.Веселовским пришел к выводу, что в этот период существовавший прежде сугубо исторический интерес к памятнику угас, но одновременно резко повысился спрос на заключенные в “Откровении” эсхатологические идеи¹². Забегая вперед, скажем, что после несостоявшегося конца света интерес к эсхатологическим памятникам, в том числе к “Откровению”, ослаб. В дальнейшем — с распространением старообрядчества — XVII–XVIII вв. стали временем нового взлета популярности эсхатологического апокрифа.

Наблюдения В.М.Истрина всегда глубоко аргументированы, а выводы убедительны. В данном же случае исследователь проявил, как нам кажется, чрезмерную категоричность, попеременно выделяя влияние то одной, то другой заключенной в “Откровении” идеи. Богатство смыслозначимого содержания памятника вне сомнения.

Чтобы убедиться в этом, необходимо историческое, легендарное и религиозно-символическое содержание апокрифа рассмотреть в контексте духовной жизни Древней Руси. Для начала обратимся непосредственно к содержанию “Откровения” и проанализируем его состав в том виде, в каком произведение получило распространение у нас в стране. Это тем более необходимо, что славяно-русские тексты значительно отличаются от греческих и латинских¹³.

“Откровение Мефодия Патарского” можно поставить в один ряд с апокрифическими откровениями-видениями типа “Откровение Варуха”, “Откровение Авраама”, “Виде-

ние апостола Павла”, “Видение Даниила”, “Книга Еноха”^{*}. Все перечисленные здесь апокрифы объединяет то, что главные персонажи этих произведений постигают тайны мироздания чудесным образом. Передача этих сокровенных знаний и составляет содержание апокрифов.

В содержательно-тематическом отношении “Откровение” Мефодия представляет собой эсхатологический апокриф, который можно рассматривать как развернутое дополнение к положениям Св. Писания о конце мира. Если такие типологически родственные “Откровению” Мефодия апокрифы, как “Видение апостола Павла”, “Книга Еноха”, “Вопросы Авраама” и “Хождение Богородицы по мукам”, как бы осуществляют прорыв в будущее, раскрывая судьбу мира и человечества после второго пришествия, то “Откровение” Мефодия и тесно примыкающее к нему “Видение Даниила”, напротив, охватывают судьбы мира и человечества до Страшного суда и кончины мира. В сумме же они дают единую, целостную концепцию судеб мира и его бытия.

Первая группа апокрифов сосредоточивает внимание на посмертном существовании душ, рисует картины рая и ада. “Откровение Мефодия Патарского”, наоборот, не покидает пределов мира посюстороннего. Апокриф “заземлен” на реалии действительности, насыщен историческим содержанием. Однако событийность в нем раскрывает свою смыслозначимость через предзнаменование того, что должно быть. Как следствие, оставаясь на почве исторической действительности, “Откровение” переполнено переживанием будущего.

* Жанр откровений был весьма распространен в переводной апокрифической книжности Древней Руси. “Откровение Варуха” появилось в домонгольский период. Большое внимание в нем уделено небесной части мироздания, в частности движению светил. Той же теме посвящено “Откровение Авраама”, древнейший русский список которого датируется XIV в. “Видение апостола Павла” и “Книга Еноха” к тому же кругу вопросов добавляют сведения о будущем мира, о чем речь пойдет подробнее в своем месте.

Формально “Откровение” можно рассматривать как краткий, сжатый исторический очерк, объемлющий земной путь человечества от Адама и его потомства до царств “последних времен”. Но на этом перетоке от начала к финалу мировой драмы историческая часть трансформируется в пророческую, повествуя о приуготованном будущем. По существу, в произведении создается преисполненный глубокого символического значения образ мировой истории, в соответствии с которым времясобытийная последовательность земного бытия человеческого дробится на семь тысячелетий, последнее из которых подводит к неизбежной встрече с вечностью.

Первый тысячелетний отрезок охватывает время от Адама и Евы до разделения рода Сифа и рода Каина. Второе тысячелетие включает в себя события от убийства Каина до потопа, третье — жизнь потомков Ноя, включая рождение изобретателя астрономии Мунта, вражду сынов Хамовых и Невродовых, вавилонское столпотворение. На четвертое тысячелетие приходится борьба потомков Хама с Невродом, завоевание Невродом Египта и победа потомка его, Хозроя, над сынами Хама. Пятым тысячелетием датируется поход потомка Мунта — Сапсикара через Египет до пустыни Савской, откуда им вытеснены происходящие от Агари потомки Измаила, бежавшие в Етрив. Затем повествуется о войнах и пленении измаильтянами земли обетованной и об изгнании Гедеоном воинственных племен назад, в Етривскую пустыню¹⁴. В этом месте историческое повествование разрывается введенным в него пророчеством, где говорится об исходе измаильтян из Етривской пустыни в преддверии конца мира. Согласно предсказанию, наследники Агари будут владеть всеми странами и никто не сможет победить их до истечения седьмой тысячи лет (“до времен седмиричных”). Единственным непокоренным царством называется богочраемое царство Греческое.

В описании шестого тысячелетия воспроизводится последовательность смены великих царств: царство исполин-

кое времен Неврода и Перса, затем идут Персидское и Вавилонское царства, их сменяет царство Медийское и, наконец, царство Александра Македонского. В этом месте вводится рассказ о нечистивых народах Гоге и Магоге, которые были заключены Македонским за северными горами. Судьбы носителей скверны увязаны с эсхатологическими ожиданиями, ибо конец заточения и явления в мир Гога и Магога должны произойти согласно апокрифическому предсказанию в “последние времена”. Далее, после этой вставки, возобновляется рассказ о царстве Римском и царстве Греческом. Здесь же говорится о подчинении христианскому Греческому царству египтян, евреев, персов, македонян. Повторяется мотив непобедимости христианского царства, которое падет только с истечением седьмой тысячи лет, а его властитель передаст царство Богу. Другими словами, вновь вводится пророчество об измаильтянах, о которых специально говорится, что время их в шестой тысяче лет еще не прошло.

Седьмое тысячелетие кульминационное и финальное в истории человечества. На нем фокусируются смыслозначимые для рода человеческого события. Подробно повествуется об исходе измаильтян и опустошениях, вызванных этим нашествием. Торжество иноплеменников объясняется не благосклонностью к ним божества, а возмездием христианам за прегрешения. Рассказ об измаильтянах венчает яркая картина ужасающих бедствий “последних времен”. Затем является греческий царь-освободитель, порабащавший измаильтян, после чего устанавливается мир. Мирное время обрывается новым знаменем светопреставления — выходом из заключения Гога и Магога, несущих очередную волну страданий, беззакония, бесчестия. После этого посланный Богом архангел побивает нечистые народы. Далее в “Откровении” повествуется, как в Иерусалиме воцаряется греческий властитель, с правлением которого совпадает появление Антихриста, затем следует самостоятельный рассказ о происхождении Антихриста и его власти в мире. После победы над Антихристом последний властелин передает

Богу регалии земной царской власти, которые возносятся на небеса. Этим земная история завершается.

В литературе давно был показан сложносоставной характер “Откровения”, очерчен круг непосредственных источников и идей, повлиявших на содержание памятника, ибо “Откровение”, как из мозаики, было составлено из уже готовых элементов и блоков. Указывалось, например, на то, что предсказания о “последних временах” сближают апокриф с “Пророчествами Сивиллы” о золотом веке и мировом царстве. Пророчества Тибуртинской Сивиллы* включают появление Гога и Магога, пришествие Антихриста, Страшный суд. Идеи эти были предвосхищены ветхозаветным мессионизмом, отраженным в “Письмах Соломона” и “Видении Даниила”. В христианстве представления о мировом царстве соединялись с идеей конца света (Апокалипсис, Послания Павла к солунянам)¹⁵. Историческая часть представляет собой краткое изложение библейской истории и наиболее значимых исторических событий, описание которых кочует из одной средневековой Хроники в другую. Самостоятельное происхождение имеют легенды о царе-устроителе и Антихристе¹⁶.

Непосредственно автору-составителю “Откровения” принадлежит, по всей видимости, рассказ об измаильтянах, части которого вкраплены в разные места апокрифического повествования. Они объединены идеей приурочения конца мира к нашествию враждебных народов. Это эсхатологическое толкование, венчающее рассказ об измаильтянах и помещенное в заключительном разделе “Откровения”, является идейным ядром всего произведения.

* Сивиллы (сибиллы) — в греческой мифологии прорицательницы будущего. Сивиллы получали имена по месту обитания. В Древней Греции наиболее известна была Дельфийская Сивилла, в Риме особо почитались Куманская и Тибуртинская Сивиллы. Предсказания Куманской Сивиллы были записаны в 10 книгах, к которым были присоединены записи пророчества Тибуртинской Сивиллы, представлявшие собой смесь греко-римских, иудейских и христианских верований.